
ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА СОЦИУМА: ПОДХОДЫ, КОНЦЕПЦИИ, МНЕНИЯ

E.Yu. Shakirova

Sociocultural and Axiological Aspects of Security

The article examines the sociocultural and axiological aspects of security. It is postulated that security is manifested as a steady state of the sociocultural formation in which it retains integrity and the capacity for self-development, despite growing risks.

Key words and word-combinations: security, values, modern society, social and cultural field, axiological sphere, rhizome.

Рассматриваются социокультурные и аксиологические аспекты безопасности. Постулируется, что безопасность проявляется как устойчивое состояние социокультурного формирования, при котором оно сохраняет целостность и способность к саморазвитию, несмотря на возрастающие риски.

Ключевые слова и словосочетания: безопасность, ценности, современное общество, социокультурное пространство, аксиосфера, ризома.

УДК 1:316
ББК 60.02

Е.Ю. Шакирова

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ И АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ БЕЗОПАСНОСТИ

Мировое социокультурное пространство находится на пороге серьезных изменений, связанных с новым пониманием ценностных основ обеспечения защиты своих интересов. Происходящие в современном мире события свидетельствуют лишь об одном: проблема безопасности во всех ее проявлениях становится первоочередной.

Безопасность — феномен комплексный и многоуровневый. Безопасность не только входит в число крупнейших глобальных проблем, но и выступает основой сохранения и развития любого социокультурного организма. Естественно, что тенденции качественных трансформаций современности требуют глубокого теоретико-методологического осмысления проблемы безопасности, уточнения принципов научного исследования и понятийного аппарата.

Первые исследования безопасности восходят ко времени формирования общества. Взятая в самой общей форме проблема безопасности предстает как исторически из-

меняющаяся задача с позиций развития и самосохранения общества. В рамках каждой исторической эпохи вырабатываются определенные подходы, стратегии обеспечения безопасности. Безопасность, несомненно, имеет гуманитарную сущность. На ранних исторических стадиях, на этапе мифологического мировоззрения, безопасность понималась через отношение человека с природой, опасные явления которой казались ему непостижимыми и безропотно принимались, а сами опасности персонифицировались. В мифе человек имеет дело с одушевленными существами, от которых зависит его существование, а познание безопасности протекает в форме их «узнавания».

В философии Древнего Востока мир предстает полным угроз и опасностей, которые угрожают и телу и духу: «Какие наслаждения от желаний могут быть в этом теле, пораженном страстями. Гневом, алчностью, заблуждением, страхом, отчаянием, завистью, разлукой с желанным и навязыванием нежеланного, голодом, жаждой, старостью, смертью, болезнью, печалью и тому подобным...» [1, с. 238]. В учениях Древней Индии сочетается признание необходимости мироутверждения — счастливой (безопасной) земной жизни — и в то же время мироотрицание — освобождение от множественных страданий сущего и стремление к абсолютно благим (абсолютно безопасным) первоначалам. В философских школах Древнего Китая бытие определяют справедливость, порядок и закономерность в мире, которые исходят от Неба. Следование им — добро, нарушение — зло. Особая значимость придается книжной учености, государственности и социальной активности, благодаря которым жизнь человека приближается к гармонии, упорядоченности и безопасности. Конфуций полагал, что условием социально-политической стабильности и безопасности является привлечение к управлению государством «прямых» людей и устранение бесчестных, в этом случае «народ будет покорен» [2, с. 171].

Наиболее полное оформление взглядов на природу безопасности можно найти у Платона и Аристотеля. Выдвинутая Платоном концепция идеального государства представляет, по существу, установленную гармонию отношений человека и общества в системе безопасности. Высшим государственным благом считается справедливость — то, что служит общей пользе и безопасности [3]. В государстве безопасность наиболее обеспечена там, где нет ни чрезмерного богатства, ни чрезмерной нищеты и которым управляют люди среднего достатка ради общей пользы. Аристотель развивает идеи Платона, полагая, что важную роль начинают играть личностные способности субъекта к управлению государством: «Суметь понять зарождающееся зло в самом его начале — дело не первого встречного, а опытного государственного мужа» [4, с. 482].

Сущность безопасности на этапе религиозного мировоззрения предстает как абсолютное благо. В исламе и христианстве она персонифицируется в понятии всемогущего Бога как средоточения и истока безопасности, способного карать и спасать, перед которым человек испытывает страх. Страх божий предохраняет человека от неправильных поступков, а религиозная вера играет основополагающую роль в создании безопасного жизненного мира человека.

Сама же безопасность связывается не с желанием человека избежать физической смерти, а с потребностью нравственного совершенствования, позволяющего достигнуть вечной жизни.

Средневековая европейская философия в осмыслении проблем безопасности отдает приоритет христианской вере по отношению к человеческому разуму. Безопасность определяют доверие Богу, верность ему и уверенность в истинах, данных в Откровении. Так, представление о безопасности в эпоху средневековья формируется, во-первых, на базе христианских ценностей миропонимания: люди равны как между собой, так и перед Богом, а во-вторых, на основе процесса формирования национальных государств. Важное место в формировании государственной безопасности занимало развитие военной культуры в виде рыцарства.

Эпоха Возрождения вносит свои коррективы в осмысление проблем безопасного существования. Гуманисты видят творцом собственной жизни и счастья человеческую индивидуальность. Для достижения личного благополучия и безопасности человек должен следовать своей природе, абсолютно греховной по меркам аскетического средневекового нравственного идеала. Возрождение дает толчок формированию нового социального миропонимания, что находит отражение в появлении теорий, учений об обществе, о государстве. Например, в рамках теории общественного договора были впервые изложены основные принципы безопасного существования. Т. Гоббс писал: «...надежда каждого на свою безопасность и спасение состоит в том, что он сможет с помощью собственных сил и умения открыто или путем ухищрений предупредить своих близких, поскольку безопасность жизни согласована с естественными законами и состоит в согласии многих» [5, с. 79].

Существенный вклад в развитие взглядов на безопасность внес Э. Дюркгейм, поставивший во главу угла учение о социальной солидарности. Социальная солидарность не может быть достигнута ни взаимодействием личных интересов индивидов, ни посредством жесткого государственного диктата. Между человеком и государством должны находиться интересы различных профессиональных групп, которые по своим функциям и своему предназначению приближаются к представлениям о гражданском обществе в современной гуманитаристике [6, с. 191]. Элементами обеспечения безопасности выступают социальные нормы, направленные, с одной стороны, на ограничение устремлений каждого в отдельности, а с другой — на предотвращение социальных конфликтов.

Можно выделить следующие аспекты понимания безопасности, оформившиеся в период Нового времени: правовой аспект (констатируется право каждого на индивидуальную безопасность), антропоцентристский аспект (благополучие и счастье каждого рассматриваются как высшая ценность), социальный аспект (выдвигается идея естественного развития общества и государства как инструмента обеспечения безопасности). Любое философское направление, используя собственные эпистемологические, онтологические и аксиологические критерии для оценки безопасности, наполняет специфическим содержанием знание о безопасности, которое определялось культурно-

исторической ситуацией и господствующим мировоззрением. Тем не менее важно признать, что на любом этапе социального развития безопасность имеет человеческое измерение. Она предстает как главнейшая ценность и наивысшее условие жизнедеятельности самого человека и развития общества, поэтому можно говорить об аксиологическом и социокультурном характере безопасности.

Все существующие в отечественной и зарубежной науке определения безопасности можно условно разделить на три группы:

1) безопасность как отсутствие опасностей (на основе принципа дихотомии);

2) безопасность — определенная деятельность по обеспечению или по предупреждению каких-либо угроз, опасностей (деятельностный подход, связанный с уровнем развития общественного производства, благодаря которому и создаются те или иные предупреждающие действия);

3) безопасность — осознанная потребность, ценность, интерес, так или иначе связанные с тем или иным целеполаганием [7].

Н.Н. Рыбалкин дает следующее определение безопасности: «Безопасность — это рефлексивно определенное и контролируемое субъектом единство естественного существования и развития объекта» [8]. Добавим: и самого субъекта. Так, любое формирование, в том числе и социокультурное, для своего собственного движения и изменения, а также для сохранения имеющихся потенциалов неизменно создает какие-либо защитные механизмы, функции которых многогранны, но главная из них — защита от опасностей, основанная на внутренних потребностях.

Социокультурное формирование в качестве основного механизма обеспечения безопасности выбирает ценностно-нормативную защиту. Основопологающие ценности, определяющие своеобразие данной социокультурности, являются и своеобразными ограничителями ее функционирования. Развитие любого формирования должно определяться наличием неких пограничных значений для данного временного периода. Подобные пограничные значения назовем пограничными точками: они разграничивают внешнюю среду и социокультурное пространство формирования (функция огораживания). Кроме того, одной из функций пограничных точек является осуществление контакта с другими средами. Так, пограничные точки, с одной стороны, принадлежат данной социокультурности, а с другой — непосредственно ответственны за соприкосновения с элементами других формирований [9]. Пограничными точками следует считать те основополагающие ценности, которые определяют отличие данной социокультурности от других. Для прикладных целей классификация ценностей по их роли в обеспечении функционирования социокультурного формирования является наиболее приемлемой. В этом отношении ценности не только являются регулятором социальных отношений, но и задают границы этих отношений, то есть границы социокультурного формирования. Эти ценности наиболее подвержены «атаке» извне, и от степени их устойчивости внешним воздействиям зависит и степень

«непроницаемости» всего социокультурного пространства. О. Тоффлер считает, что современность — конец XX столетия — это совершенно новый этап в развитии общества и что это новое состояние своим появлением обязано развитию технологий хранения, передачи и обработки информации, они и их использование придает всем процессам, протекающим в обществе, небывалый динамизм и разнообразие [10]. Развитие подобных технологий, получившее столь бурный толчок в XX в., способствовало «сглаживанию» функций пограничных ценностей и активному проникновению и внедрению в социокультурность иных аксиологических элементов. Данные процессы выражаются в появлении новых ценностей, имеющих характер симбиоза с ценностями данного формирования, в чем и заключаются метаморфозы всего социокультурного пространства.

Огораживающая функция пограничных точек неизменно сопряжена с функцией обеспечения безопасности. Однако современность благодаря процессам глобализации, интернационализации, культурной ассимиляции деформирует ценностные основы социокультурных формирований. Тем не менее современную аксиологическую ситуацию нельзя охарактеризовать как полное разрушение ценностной системы. В настоящее время целесообразнее вести речь не о четко структурированной социальной аксиосфере, а скорее о нелинейном ценностном образовании, которое, сохраняя определенную целостность, отличается гетерономностью. Постмодернистская философия для характеристики подобных образований употребляет понятие «ризомы», которое наилучшим образом отражает существующую в мире ценностей ситуацию. Отсутствие единого семантического центра, равновесия, но при этом наличие определенного организационного порядка и креативной подвижности — вот существенные черты ризомы. В ситуации ценностной ризомы обеспечение безопасности осложняется отсутствием единого аксиологического стержня, а также тем, что ризома характеризуется потенциальным самоварьированием. Разумеется, историческое развитие общества немислимо без непрерывного процесса трансформации ценностей.

Однако та аксиологическая ситуация, которая характеризуется здесь как ризомная, исторически беспрецедентна и является результатом действия многочисленных факторов как внутреннего, так и внешнего характера, среди которых наиболее действенным является распространяющийся вглубь и вширь процесс глобализации. Именно вследствие глобализации ценностные основы, цементирующие общество на самом что ни на есть глубинном уровне, начали терять свою актуальность и стали появляться иные, не свойственные для того или иного социокультурного формирования ценностные парадигмы, что и привело к появлению новых стержневых оснований ценностной сферы. В подобных условиях обеспечение безопасности представляет собой весьма затруднительную задачу, однако следует признать тот факт, что в современном обществе существование единой системы ценностных приоритетов практически невозможно. Расслоение общества, манипулирование сознанием, экономическая нестабильность ставят под сом-

нение легитимность одного ценностного ядра, именно поэтому аксиосфера современного общества может быть определена как ризомоморфная среда. Занесенный в такую среду любой ценностный информационный «вирус» может вызвать непредсказуемые последствия нелинейных трансформаций, которым подвержена подобная среда, что повышает рискогенность социума в целом.

В современном обществе риск, являясь неотъемлемой составляющей жизни, приобрел черты универсальной характеристики, способной раскрыть сущность социокультурного бытия на данном этапе развития. Мышление в понятиях риска и его оценки превратилось в свойство и экспертного и массового сознания. Общество осознает себя в категориях риска, неуверенности и необходимости выбора. При этом рисками наполнена любая ситуация — бездействие так же рискованно, как и традиционное действие или инновационная деятельность. Э. Гидденс отмечает, что риски — продукт деятельности именно человека. Риски порождаются институтами общества модерна: «Мы живем в мире, где опасности, созданные нашими же руками, не менее, а то и более серьезны, чем те, которые приходят к нам извне» [11, с. 67]. Но, полагает Э. Гидденс, институты общества рефлексивного модерна порождают риски не только в силу динамики общества, «отменяющей» стабильные структуры индустриального общества, но и в силу того, что в условиях глобализации происходит их «высвобождение» из локальных контекстов с определенной пространственно-временной привязкой, что деформирует не только ценностную сферу порождающего риски социокультурного формирования, но и аксиос основания иных социокультурностей. Обновления и социокультурные метаморфозы перманентны. Логика непрерывного обновления, лежащая в основе культуры модерна, привела к тому, что современное общество развивается вопреки ее институтам и структурам. «Мы переживаем изменения основ изменения», — отмечает А. Бек [12, с. 18].

В современных условиях социокультурных изменений, аксиологических трансформаций, роста рискологической составляющей ценность безопасности выходит на первый план. Но поскольку общество риска нацелено не на поиск лучшего, а на избежание худшего в своем сценарии развития, то модифицируется само представление о безопасности. Безопасным следует считать устойчивое состояние социокультурного формирования, при котором оно сохраняет целостность и способность к саморазвитию, несмотря на возрастающие риски. Такое безопасное состояние может иметь множество проявлений, при этом социокультурность должна оставаться в рамках допустимых аксиосемантических значений пограничных точек. Выход за пределы данных значений есть показатель кризисности и уменьшения степени безопасности, что повышает неопределенность социокультурности.

П. Штомпка, характеризуя процесс социокультурных изменений, вводит такое понятие, как «культурная травма»: в настоящее время нормой является становление социума, которое происходит сквозь призму перманентных травм [13]. Травмы — атрибуты становления. Травма — не состояние, а

«динамично развивающийся процесс», предполагающий «травматическую последовательность» из шести стадий [13, с. 7]. «Травма — «социальный факт» в классическом, дюркгеймовском смысле термина... И, по определению, — культурный феномен» [13, с. 10]. Культурная травма выражается в метаморфозах аксиологических оснований. Травма есть результат воздействия на социокультурное формирование рисков одного типа, которые производят другие риски. Травматичность социокультурности и ее рискогенность связаны особым типом причинности, характерной для нелинейных сред — циклической, которая действует по принципу «все во всем» и нивелирует смысловые и пространственно-временные границы между причиной и следствием. Повышение травматичности социокультурного формирования выражается в его «разрывах», в появлении мозаичного типа связи между некоторыми его элементами, не гарантирующими стабильность и постоянство. «Готовность к травме возникает, когда появляется форма дезорганизации, смещения, несогласованности в социальной структуре, иными словами, когда контекст человеческой жизни и социальных действий теряет гомогенность, согласованность и стабильность», — отмечает польский исследователь [13, с. 8]. Подобное социокультурное формирование находится всегда в состоянии напряженности. Любое внешнее воздействие или проявление внутренней несогласованности приводит к непредсказуемым результатам.

Обеспечение безопасности в условиях «общества риска», перманентно подвергающегося травмам, — задача сверхсложная. Необходимо понимать, что абсолютно безопасного общества в принципе не может быть. Поиск оптимального пути развития подразумевает детальный анализ прошлого и настоящего, на основе которого возможно будет хотя бы в общих чертах предвидеть стратегии развития социокультурного формирования в сложных условиях аксиологической нестабильности и повышения степени рискогенности.

Библиографический список

1. Древнеиндийская философия. М., 1972.
2. Конфуций. Суждения и беседы. СПб., 2001.
3. Платон. Диалоги. М., 2011.
4. Политика. Наука об управлении государством / Платон, Аристотель. М., 2002.
5. Гоббс Т. Философские основания учения о гражданине. М.; Минск, 2001.
6. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда: метод социологии. М., 1991.
7. Викторов А.Ш. Философия безопасности в контексте гуманитарного миропонимания глобальных проблем // Ломоносовские чтения – 2006: Глобализация и социальные изменения: материалы научной конференции: сб. науч. докладов. URL:<http://lib.socio.msu.ru/l/library>
8. Рыбалкин Н.Н. Природа безопасности // Вестник Московского университета. Сер. 7: Философия. 2003. № 5. С. 36–52.
9. Шакирова Е.Ю. Социокультурное пространство современности: социально-философский анализ. Саратов, 2014.
10. Тоффлер О. Третья волна. М., 2000.
11. Гидденс Э. Ускользающий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь. М., 2004.
12. Бек У. Общество риска: На пути к другому модерну. М., 2000.
13. Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социс. 2001. № 1. С. 6–16.